

Доктор Цехов. — 1995. — № 1. — С. 2

ЛЮБИМИЦА ПУБЛИКИ

Помните, в песне: «Мои года — мое богатство». А богатство у нее большое, то бишь долгое, если можно так выразиться об этом. И она не скрывает свой возраст, хоть женщин не принято спрашивать о годах.

Когда пришла эта дата, общественность города почему-то промолчала. Только одна газета обмолвилась фразой: де-мол Мария Павловна Гермацкая отметила свое восьмидесятилетие. Правда, потом в ее квартире раздался телефонный звонок — приглашали в администрацию города, где она на каком-то листке поставила свою подпись, после чего ей выдали деньги. Да еще телеграмма от СГД была. Вот и вся торжественная церемония для народной артистки России, почетного гражданина города Брянска, в драматическом театре которого она служит вот уже 43 года. А всего отдано сцене 58 лет.

«Стакан воды» Скриба, герцогиня Мальборо

Написав «служит», мы не оговорились и не пытались найти какое-то торжественно-приподнятое выражение. Мария Павловна действительно служит искусству. На сцене она не говорит текст той или иной героини, а от ее имени священнодействует. Если это не так, почему же тогда шепчущего в зрительном зале соседки урезонивают словами: «Тихо, Гермацкая!» Да, когда она появляется на сцене, хочется слушать ее четкую речь, где в слове не смята ни единая буква, не притушен ни единый звук, ее хочется видеть, потому что на сцене она умеет смотреть и видеть, слушать и слышать, быть предельно правдивой и эту правду умеет донести до ума и сердца зрителя. Сила ее сценической убежденности такова, что персонаж, представленный актрисой кажется именно таким, каким его трактует Гермацкая. Не возникает сомнения, что он может быть другим. К примеру, ее Бабушка в спектакле «Деревья умирают стоя» Касона не наделена

«Король Лир» Шекспира, Регана

актрисой никакими театральными «подпорками», нет особых красок, подчеркивающих характер этого персонажа. Гермацкая просто живет жизнью своей героини в предлагаемых обстоятельствах. Вошла Бабушка, смотрит как Бабушка, слушает как

Бабушка, ходит как Бабушка, говорит как Бабушка, подмечает все, как Бабушка. И все это помогает нам, зрителям, воспринимать ее как живую, видеть ее не только на сцене, в отпущенном драматургом времени, но и за пределами сценической площадки. И мы ничуть не сомневаемся, что из-за кулис вышла к нам не актриса Гермацкая, а именно Бабушка и уйдет потом со сцены опять же Бабушка.

Мария Павловна в отличие от многих актрис даже так называемые «зоны молчания» умеет наполнить жизнью своего персонажа, тогда как некоторые «лихие» артисты обычно хвастаются: де-мол эти «зоны молчания» они ловко превращают в «зоны отдыха».

За 58 лет служения театральному искусству актриса Гермацкая прожила столько разных жизней в классическом зарубежном и русском репертуаре и современных пьесах, что если подсчитать, то пожалуй, получится что-то около трехсот ролей. Была Эмилия и Бьянка в «Отелло», Регана в «Короле Лире», Катарина в «Укрощении строптивой» Шекспира, герцогиня Мальборо в «Стакане воды» Скриба, Гертруда в «Мачехе» Бальзака, Раневская в «Вишневом саде» Чехова. Очень любила играть в пьесах Горького: две Софьи в «Последних» и «Зыковы», Васса в «Вассе Железновой», Шурка и Манефа в «Егоре Бульчове».

«Мария Стюарт» Шиллера, Елизавета

Александра Николаевича Островского, то для какой-нибудь актрисы это может составить целую сценическую жизнь. Тут и Лариса с Огудаловой в «Бесприданнице», Коринкина («Без вины виноватые»), Ренева («Светит, да не греет»), Тугина («Последняя жертва»), Глафира («Волки и овцы»), Аксюша («Лес»), Людмила («Поздняя любовь»). Перечислять репертуар современных пьес нет никакого резона: в них, в этих однодневках, столько переиграно «своих современниц», что им даже потерян счет.

Жизнь Мария Павловна прожила большую. О прошлом у нее нет ностальгической грусти. Что было, то прошло. Чего о нем вспоминать? Жиды и живет она без компромиссов. Это очень трудно, но зато в ладу со своей совестью. На черное говорит черное, а белое называет белым. Такую смелость, если хотите, роскошь позволяют себе только люди независимые, гордые, сильные характером.

На сцену Гермацкую привел случай, продиктованный, как потом поймем, самой закономерностью.

Послереволюционная показуха по всей стране устраивать рай и начала это с ликвидации безграмотности. Стали создавать повсеместно ликбезы. Но так как на деревне не хватало грамотных людей, их посылали туда из городов и рабочих поселков. Мария Гермацкая в это время училась в

9 классе. Ее отличная успеваемость стала рекомендацией быть посланной в деревню. Их с братом (они учились вместе) и послали в глухую деревню, верст за двести от поселка Глинка, где они тогда жили с родителями. К счастью, для Гермацкой эта кам-

«Вишневый сад» Чехова, Раневская

пания закончилась через два месяца. Был потом выпускной вечер в школе, затем учеба в сельхозтехникуме, чертежница в конторе, а по вечерам любительские спектакли. И вот однажды после какого-то представления к ней подошел режиссер-постановщик и посоветовал ей поехать в Смоленск попробовать свои силы в театральное училище. К тому времени она уже была замужем, имела ребенка. Сказать легко — поехать. А как на деле? Это же явный разрыв в семейной жизни? Сколько сомнений, сколько дум передумала в ночи наедине с подушкой — знает только она одна. Обратилась к отцу. Но что он мог посоветовать дочери, сам будучи агрономом? Вот если б она пошла по его стопам, тут он многое мог подсказать. Ну а театр! Что он знает про него? Не раз видел ее в любительских спектаклях, она отличалась от всех своей правдивостью, никогда ничего не играла, была предельно проста и достоверна. Он сомневался: наверно, не объективен к своей дочери, пристрастен, что ли. Но часто такие же мысли слышал и от других. И все же посоветовал поехать попытать свое счастье. И... она предстала перед приемной комиссией, не защищенная

«Егор Бульчов» Горького, Меланья

никакой профессиональной подготовкой. Вся тут: среднего роста, ладная фигура, круглолицая, румянец во всю щеку, брюнетка с живыми пытливыми глазами, излучающими притягивающий к себе магнетизм. За ее огромным желанием стать актрисой комиссия угадала и недоожинные актерские способности. И она стала студенткой театрального училища. Закончить не пришлось — началась война. Училище расформировали. Часть студентов попала в Ивановское, а часть в Калининское театральное училище. В последнем оказалась и Гермацкая. Но доучиваться пришлось только после войны. А пока каждый воевал своим оружием сам. Этим

оружием стала воевать и студентка Мария Гермацкая и скоро оказалась в одной из фронтовых театральные бригады. На передовой под Ржевом, под Великими Луками в тесных избах или открытых площадках в перерывах между боями солдаты жарко аплодировали чернявой веселой молодой артистке Гермацкой, лихо отплясывающей заразительный танец или поющей задорную частушку. Она не убежала с самодеятельной сцены даже тогда, когда над головой пронеслись вражеские самолеты, рассыпая вокруг смертоносные пулеметные очереди. Что это было? Бравата? Отсутствия страха? Воже нет. Боялась, и очень, но у нее перед собой было обязательство — победить страх. И побеждала! И не раз! Только однажды не удалось победить испуг: под Великими Луками в полный рост на них, безоружных, пошли гитлеровцы. Дрогнули, побежали. И, наверно, прибежали бы в плен, но спасибо нашим бойцам. Правда, с большим опозданием, но все же спасли.

Вскоре освободили Калинин. Был дипломный спектакль. Было зачисление в труппу областного Калининского драмтеатра. Известный периферийный режиссер Георгиевский внимательно следил

«Горе от ума» Грибоедова, Хлестова

за творческим ростом своей студентки, а затем и молодой актрисы. Они же, эти молодые дарования, рвались куда-то в неведомую даль. Порыв к полету зрел и в душе Гермацкой. Не раз просила она Георгиевского отпустить ее из театра. Не сразу он дал свое согласие на ее отъезд. Через какое-то время все же отпустил со словами, что теперь ему не будет стыдно перед своими коллегами режиссерами за ее профессиональную подготовленность.

Приехала она в Оренбург, к восходящей периферийной звезде Куликовскому Михаилу Алексеевичу, главному режиссеру областной драмы. Было много удачных работ, интересных ролей, но Мария Павловна вспоминает о том, как ее встретили, какие добрые слова напутствия сказали ей, как вниманием согрели ей душу, человеку, впервые попавшему в чужой город. Сказать незнакомому человеку, приехавшему в чужой город, это не пустяк! Это очень много! Конечно, душевной чуткости нельзя научить ни в каком вузе. Она, эта чуткость, либо есть, либо ее нет.

Мария Павловна всегда первая скажет добрые слова приветствия вновь приехавшему в их театр артисту. О ней говорят так: мол, она не может не сказать доброе слово приветствия, потому что это ее «кредо». Мы не знаем, какой смысл в это слово вкладывают ее коллеги, нам-то кажется, ее кредо — душевная доброта. Но почему же на ее доброту часто отвечают отнюдь не этим? О ней говорят, что она прямолинейна. Нет, она прямая, а это не идентично «прямолинейности». Прямолинейность, как нам кажется, идет от душевной

неподвижности, а прямота от желания сказать людям правду, не кривя душой, честно. Она никогда не скрывает своего мнения о том или ином премьерном спектакле, о работе своих коллег. Если она в данную минуту не подошла и не поздравила кого-то после премьеры или ввода, значит ей это не показалось интересным. Она поделится своими мыслями по этому поводу потом, в дружеской беседе, и если коллега по профессии примет замечания, исправит какие-то недочеты, бывает очень счастлива, что ее совет пошел на дело. Она беззащитна, легко ранима. Ее легко обидеть одним неловко сказанным словом. Не покажет вида, но, оставшись одна, будет горько лить слезы из-за незаслуженной обиды. Она терпелива. За свою сценическую жизнь столько пережила разных режиссерских характеров, из-за их «вижу-не вижу». Часто эти «не вижу» шли потому, что она не пресмыкалась перед режиссером, не подхалимничала, оставалась цельной натурой. Часто успокаивала себя словами Александра Блока, сказавшего как-то о театре так: «нежное, грубое, страшное чудовище».

Мария Павловна честолюбива. Кто-то, прочтя эти слова, скажет: ага, наконец-то и у Гермацкой наши недостатки. Ан нет! Слово «честолюбие» здесь мы применили как наиболее качественное качество характера творческого человека, ибо честолюбие — пружина, все силы которой направлены на создание лучшего, быть первой среди других.

Мария Павловна больше десяти лет была Председателем местной организации Всероссийского театрального общества, а затем Союза. И Брянская организация среди других семидесяти пяти ей поданных отличалась высоким творческим потенциалом.

Гермацкая — народная артистка России. Живя в столице, она давно бы имела самые именитые титулы: от Героя Труда до самых высочайших лауреатских премий, каковыми обладают многие столичные артисты, по своим дарованиям не имеющие на это право. Но... провинция есть провинция, оттуда до бога

«Деревья умирают стоя» Касона, Бабушка

высоко, до царя далеко. Да если б актриса, подобная Гермацкой жила опять же в столице, ей бы, честное слово, такой закатили юбилей: небу стало бы жарко! А в Брянске вот видите как: тишина... вокруг и ничего больше. А ведь эта актриса живет рядом, продолжает работать в театре, а вот... забыли. И это ЛЮБИМИЦУ ПУБЛИКИ!

Дорогая Мария Павловна, пусть Ваши добрые глаза не улажняются в эти минуты. Вы столько пережили режиссерских характеров. Переживите и это, будем мягко называть, недоразумение! Здоровья Вам, прекрасная АКТРИСА! Дай Вам бог здоровья и долгих лет жизни на радость людям! Спасибо Вам, что Вы есть!

И.Гладких